

МАРАТ ШАФИЕВ
Подражание Руми

17 декабря – День памяти выдающегося суфийского наставника и поэта.

26 ноября 1244 года не сошлись в битве великие армии, не открыли новый вид энергии, но случилось не менее значимое для человечества событие – на базарной площади Коньи столкнулись два человека. Шамседдин Тебризи задал вопрос, Джалаледдин Руми ответил, и вопрошающий испустил вопль и без чувств упал на землю. Люди того времени болели и умирали от любви; не уставали радоваться встрече с другом; плакать, услышав неприхотливую мелодию дудки. Мы больше знаем, но умеем ли мы чувствовать и изливаться в чувствах с такой силой? Благодаря этой встрече, в огне этой дружбы сгорел правоверный шейх и родился, как птица Феникс, суфийский Мастер.

«Маснави-йи Манави» (Поэма о скрытом смысле) Руми – энциклопедия суфизма (её называют персидским Кораном), она сама – как мир, единство которого проявляется через бесконечность многообразия, грандиозная симфония человеческого духа в становлении, опыт, изложенный не в отвлечённо-логических категориях, а в пламенных поэтических образах. «Я прокричал тебе в дверь: – Мистики собираются на улице. Выходи! – Оставь меня в покое. Я болен. – Да хоть ты и умер! Иса здесь и он хочет кого-нибудь воскресить!»

В США с начала 1990-х годов самым продаваемым и, стало быть, самым популярным становится не один из гигантов американской поэзии – Роберт Фрост, Роберт Лоуэлл, Томас Элиот, даже не Шекспир, Уитмен, Гомер, Данте, обязательные для школьной программы, а Руми!

В мире столкновений цивилизаций властитель умов – средневековый мулла, получивший классическое исламское образование и преподававший шариат в медресе!

* * *

**Давно назрело дело –
пожертвуй ночью смело,
не ублажая тело:
не спи, не спи, не спи!
Такую ночь не сыщешь!
Тебя в неё Друг тычет,
проспал ночей ты тыщу –
сегодня хоть не спи!**

**Всего лишь ночь, но с толком –
узнаешь истин столько!
Не спит один Он только,
и ты –не спи, не спи!
Пусть дева чернокожа
вино тебе предложит,
в постель с собой уложит –
не пей, беги, не спи!**

**И поминай о ночи,
когда ты, в муках корчась,
навзрыд проплачешь очи,
услышав: вечно спи!**

**Смерть постучится: «Здравствуй,
пожалуйста на завтрак».
Не будет больше «завтра»,
так что не спи, не спи!**

**Что, Боже, будет с нами,
обманутыми снами?!
Кем перед Ним предстанем?
От страха горы тают.
А сердце ведь не камень.
Не спи.**

Не сплю. Аминь.

**Старайся, Духа спутник,
ты станешь новой сутью,
но бойся только утра:
не спи, не спи, не спи!**

*** * ***

**Милосердие без меры,
разум, символ или вера?
Не найду Тебе примера –
Что Ты? я не знаю.**

**Но на сцене обозримой
нас игрой невыразимой
Ты пронзал неотразимо.
Кто Ты? я не знаю.**

**Серебрясь, клубясь над крышей,
Млечный Путь уходит выше.
Есть предел Тебе, Всевышний?
Я не знаю.**

**Океан, ревмя ревящий,
эту Землю содрогавший,
влагою живой поящий,
рыбою кишмя кишавший, –
мир твой я не знаю.**

**Солнце, ярче! Солнце, звонче!
Удивительное Солнце!
Потрясающее Солнце!
В глубине, на сердца донце, –
Друга Лик. Я точно знаю.**

**Сяду птицей на морозе,
уколюсь смертельной дозой,
прорасту горячей розой –
странные метаморфозы
как того Ты хочешь, знаю.**

**«Ха» вращая, как наваху,
«Ху!» – потом кричим от страха,
«Ах!» – восходим мы на плаху,
тварный мир я знать не знаю.**

**Что комедия, что драма,
что аскеза и что сама¹ –
разрешайте, люди, сами.
Я не знаю.**

**Разбивающий мечты,
Ниспровергший с высоты,
всё, молчу. В молчанье – Ты.
Больше ничего не знаю.**

*** * ***

**Караван, вперёд ушедший,
не догонит быстрый пеший,
но вне времени и места
я танцую с Другом вместе.
Я стал радостным, как пламя,
сжѐг свой дом существованья;
на сквозном ветру былинка
выпрямляю гордо спинку.
Пожелтевший и иссохший,
стал я барабанной кожей –
и добротной, и надёжной, –
день приветствующий дробью.
В беспощадной пасти зверя
снова обретаю веру:
небо – область просветленья,
мир наш – сумерки и тленья;
дуализм – смешное дело,
устремлённым в Запредельность.
На дороге грязью лягу,
чтоб во мне копилась влага;
чтобы получить лекарство,
стану я больным прекрасным.
Стану впадиной глубокой
или местным водостоком,
чтоб стекала, не пролилась
в мир Божественная Милость.
И – пылинка золотая, –
в световом потоке тая,
из порожного колодца
прямоком взлечу на Солнце.**

¹ **Самá** (араб.— слышание), также Семá — суфийский ритуал, представляющий собой разновидность зикра. Включает в себя пение, игру на музыкальных инструментах, танец, декламацию стихов и молитв, ношение имеющих символическое значение облачений и др.

* * *

Я смертельно болен жизнью,
замечательный где врач? –
вены вскроет, кровью брызнет,
не оглянется на плач.
Если мир в любви зачали,
то откуда, Боже Мой,
нас разящие печали,
острый меч над головой?
Потрясающий Основы
и Сжигающий Мосты,
убиваю невинных,
трубадуров Красоты.
Кто ты перед Нашей Мощью,
сам с собою не в ладу? –
пыль на стоптанной подошве,
шип в обугленном саду.

* * *

Человек вообразил, что в аскезе и джихаде
убивается Зоил, исправляется характер.

Не жалея сил и средств, он с собой ведёт сраженьё:
и отстроенный дворец вновь подвергнет разрушенью.

И тогда Бог говорит: «Как потуги твои жалки,
десять тысяч лет идти до стоянки близлежащей!

Дело храброе – посметь! Вот такая незадача:
как достойно умереть – на Пути одна задача.

Но когда, тоской пронзён, ты признаешь поражение,
милостиво Мной включён будешь в текст Поминовенья».

* * *

Прежде чем с мешком тащиться,
содержимое проверь:
что в дороге пригодится,
что оставить у дверей.
До скончанья своих дней
груз нести гнилых костей?
Прежде чем мешок нести,
его надо потрясти,
чтоб, представ перед Владыкой,
не заплакать от стыда...
Двух миров уже на стыке
разгорается звезда.
На свиданье выйти к ней
налегке – ещё верней.

* * *

Я добрался до Ирака,
а кругом – сплошные враки,
а в разбойничьем Герате
и за чих платить заставят,
в Туркестане и Китае
меня ловко обсчитали –
путь закончив наконец,
пропечённый солнцем весь,
мистиком не стал купец.
Что Алеппо, что Медина –
для глупца везде едино,
и сильнее муэдзина
голос медяков в корзине.

* * *

Разрушь сей дом из камня дорогого,
ведь можно строить здание другое:
блистательней, огромней во сто крат!
Не бойся разрушать – под домом клад.
И Божий дар – не милость, воздаянье
за наше непростое состоянье.
Ветшает дом и рухнет в одночасье,
сокровище другой достанет мастер.
А как же ты, способный строить лучше?
Разрушь сей дом, и ты сполна получишь.

* * *

Ищи убежища от алчных
среди товарищей достойных:
кого не пожирает альчик,
кто крест судьбы несёт достойно.
И вырви пёрышки тщеславья
или покинь мирской бедлам,
и в одиночество, как в саван,
запеленуйся лучше сам.
Не дай вовлечь себя в беспутство,
плоха ли жизнь иль хороша –
о том ничуть не беспокойся,
самодостаточна душа:
она едома и едящий,
она и жертва, и судья...
Сокровище в руинах ищет
о чём-то знающее «я».

* * *

Иглой Раскаянья Одёжку Бытия
я штопаю, благодарю за Милость
Всевышнего: за то, что жив и я,
и мне по жизни что-то отломилось.

**И даже зло, содеянное мной,
не говоря про мелкие проступки,
вычёркивал из списка Он долой
иль объявлял забавнейшею шуткой.
И это Им спасённый от огня,
я помещён в саду благоуханном,
и мир огромный не вместит меня,
и состоялся в замысле я главном.
И если бы мой каждый волосок
обрёл язык, и все они взывали,
я б благодарность выразить не смог...
«О, если б мои люди только знали».**

*** * ***

**Жонглировать словами
уже в твоей крови –
отбрось мирскую славу
и Бога позови.
Как неподъёмно бремя,
грядёт девятый вал!
не трать напрасно время
на заскучавший зал.
Ты скажешь: «Не завидуй»,
но было бы чему?
такое вот придумай,
что всем не по уму.
А все твои стишата –
рисунки на песке,
к другому поспешайте,
ведь жизнь на волоске.
Рассыпавшийся прахом
мир – ты отыщешь где?
но с «я» своим бесстрашно
не пропадёшь в беде.
Другое есть виденье,
пророчеству подстать,
так вспомни повеленье
громовое: Читать!
И неизменный, цельный
на полотне небес
алмазною пыльцою
нам светит этот текст.**

*** * ***

**Снаружи – вечная мерзлота,
мир, закованный панцирем льда,
во мне не стихает сердечный пожар:
моря испарились, обуглился шар,
космическим ветром рассеялся смог –
но пепел, лишь пепел увидеть я смог.
Отсутствие всяческих новостей –
вот главная новость жизни моей.**

* * *

Пустой мешок увидев на гвозде,
дервиш стenal, вращаясь в исступленьи:
«Едок, что не нуждается в еде,
и в голоде находит исцеленье!»
И жар того любовного костра,
раскрывшего широкие объятъя,
взошли не раз ходившие в астрал
дервиша обезумевшие братья.
«Мешок пустой!» – прохожий закричал.
«Идёшь куда, иди себе и дальше,
ты не нашёл того, что ты искал,
и не стоял пред Ангелом – дрожащий.
Еда влюблённого – сама любовь, не хлеб,
едва учует запахок нездешний,
летит без крыльев, не увязнет в хлябь,
не потеряется во тьме кромешной.
Нил для Египта страшен и кровав,
для иудея воды в нём – прозрачны,
и мистиком душой отважно став,
ты в неизвестность сам шагнёшь однажды.

* * *

За гранью бытия
есть поле, там однажды
сойдёмся: ты да я,
но вот душе что страшно:
наполнена трава
таким густым замесом –
не то что там словам,
а мыслям нету места.

* * *

Сходя с ума все эти дни,
я в дверь ломился: отвори!
когда открыли, понял я,
что не снаружи был – внутри.
